

Хотя бы в этот час чахоточно зардейсь!
Не отдадим серебряного дара!
И дорог мне поляк, но не гордец.
Скорее ты со мной, гордячка, солидарна,
пока расстрелянную шубкой смотришь драно
в сестричестве растерянных сердец.

Милуоки,
Декабрь 1981

С Т А Т Ь И

Конрад Сыроп

ВЕСНА В ОКТЯБРЕ

(Отрывки из одноименной книги *)

До 1954 года Польша выглядела типичным советским сателлитом. Страной руководили коммунисты московской выучки, и устроено все было по советскому образцу. Внешняя политика Польши была неотличима от внешней политики Кремля, а вооруженные силы находились под строгим советским контролем. Как и в других странах-сателлитах, режим был непопулярен, а народные массы сетовали на свою судьбу. По внешним признакам трудно было догадаться, что Польша приближается к перелому.

Следует, однако, не забывать польского прошлого.

Память о русской оккупации, которая длилась больше столетия, о беспощадно подавленных восстаниях, ожила, когда пакт Молотова – Риббентропа 1939 года послужил Гитлеру как бы путевкой в Польшу. После неравной, длившейся всего несколько дней польско-германской войны, русские в сентябре 1939 года напали на Польшу с востока и оккупировали половину территории польского государства.

”Ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора”, —

такова была эпитафия Молотова Польше.**

Советская оккупация продолжалась всего два года, но за это время сотни тысяч поляков были депортированы, брошены в тюрьмы и лагеря, около 15.000 польских офицеров бесследно исчезли где-то в СССР.

* Konrad Syrop, *Spring in October*, Praeger, N.Y., 1957.

** Доклад В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. — См. стр. 283 этого номера ПВЕ. — *Ред.*

В 1941 году, когда Германия напала на СССР, Сталин был вынужден пойти на союз с польским правительством в изгнании, во главе которого стоял генерал Сикорский. Оно находилось в Лондоне и руководило не только польскими вооруженными силами за границей, но и прекрасно организованным подпольным движением сопротивления в самой Польше. Польско-советский альянс, который, из-за взаимного недоверия, никогда не был искренним, а из-за сталинской тактики, мешавшей успеху общего дела, никогда не был действенным, оказался недолговечным. В апреле 1943 года немцы заявили о вскрытии братских могил в Катынском лесу близ Смоленска. Польское правительство в Лондоне немедленно потребовало, чтобы Международный Красный Крест провел расследование. Сталин ответил разрывом дипломатических отношений с поляками.

Чудовищное злодеяние в Катыни стало символом советского отношения к Польше. Советские руководители пытались свалить вину на немцев, но убедительных доказательств причастности немцев к этому делу представить не удалось, а Нюрнбергский трибунал, который судил немецких военных преступников, воздержался от решений по катынскому делу. Не оставалось сомнений, что катынская бойня была устроена большевиками.

Летом 1944 года советская армия подходила к Варшаве. Советские радиостанции призывали варшавское население к вооруженному восстанию. Вечером 29 июля они передавали:

“Варшава уже слышит боевую канонаду, несущую ей скорое освобождение. Те, кто не покорился гитлеровским полчищам, снова, как и в 1939 году, подымутся на борьбу с немцами. Наступило время решительных действий... Поляки, час освобождения близок. К оружию, поляки!”

Единственной крупной и организованной силой, способной эффективно противостоять немцам, были расположенные в Варшаве части Армии Крайовой, верной польскому правительству в изгнании. Командующий Армией Крайовой Бор-Коморовский получил из Лондона инструкции – координировать свои действия с продвигающимися на Запад частями советской армии. Отношение советских властей к Армии Крайовой было известно и ничего хорошего не сулило, и все же Бор-Коморовский решился на открытое выступление. 1 августа около 40.000 бойцов

Армии Крайовой захватили ключевые позиции в столице. Варшавское восстание началось.

В это время в Москве находился Станислав Миколайчик, который вел переговоры о формировании нового польского правительства. 3 августа Миколайчик встретился со Сталиным и попросил его немедленно помочь Варшаве – главным образом, танками, артиллерией и боеприпасами. Сталин сначала отрицал, что в польской столице идут бои, но позднее обещал обдумать этот вопрос. Несколько дней спустя Миколайчик снова встретился со Сталиным и добился обещания помощи. Но Сталин не сдержал своего слова. Советская армия замедлила продвижение на Варшавском направлении, а когда уже достигла предместьев столицы на правом берегу Вислы, не форсировала реку. Русские наблюдали отчаянную битву поляков с немцами на расстоянии всего нескольких сот метров.

Западные союзники могли оказать помощь Варшаве только с воздуха, но их самолеты, доставлявшие и сбрасывающие с парашютами нужное снаряжение, могли пополнять запасы горючего только на аэродромах, которые были заняты советскими войсками. Несмотря на неоднократные просьбы Черчилля и Рузвельта, Сталин на это разрешения не дал. Он не намерен был позволить полякам “захватить власть” в их собственной стране. Варшава была принесена в жертву. Город сражался шестьдесят три дня круглосуточно, но под конец, когда стало очевидно, что русские не хотят, а западные союзники не могут оказать действенную помощь, когда не осталось ни продовольствия, ни боеприпасов, ни медикаментов, Бор-Коморовский сдался немцам.

Польская подпольная армия, которая отстаивала независимость родины, получила смертельный удар; не прошло и года, как Польша была превращена в советский сателлит. С политической точки зрения это было недальновидно: приобретая сателлит, Советский Союз потерял верного союзника. Поляки не могут ни забыть, ни простить предательства во время варшавского восстания. Не забыли они также имени командующего советскими силами под стенами Варшавы – маршала (тогда генерала) Константина Рокоссовского.

В последние месяцы войны велись переговоры о будущем правительстве Польши. Советский Союз превратил люблинский “Комитет национального освобождения” во Временное правительство и добивался, чтобы его признали западные державы,

которые были связаны союзом с польским правительством в Лондоне. К концу затянувшихся переговоров Миколайчик, который отказался от поста премьер-министра польского правительства в Лондоне, вошел в состав нового правительства в качестве вице-премьера и министра сельского хозяйства. Три других министерских кресла тоже были заняты некоммунистами, но во главе 80% министерств, — в том числе и министерства государственной безопасности, — стояли коммунисты.

Гарантировав себе, таким образом, послушность польского правительства, Сталин принялся за установление западных границ нового сателлита. Он уже заручился в Тегеране согласием Черчилля и Рузвельта на включение в Советский Союз около половины территории предвоенной Польши — земель, лежащих к востоку от так называемой линии Керзона, которые были оккупированы в 1939 году на основании пакта Молотова — Риббентропа. За эту утрату Польша получила возмещение в виде изрядного куса Германии.

За исключением коммунистов и их попутчиков, все польские лидеры противились потере восточной Польши с историческими городами Львов и Вильно. Однако, изменить решение "трех великих" они не могли. В вопросе о компенсациях за счет Германии более рассудительные поляки возражали против передвижения польских границ слишком далеко на запад. Сталин настоял на границе с Германией по Одере и Западной Нейсе, чем чрезвычайно затруднил урегулирование польско-германских отношений в будущем.

Польша дорого заплатила за подарок Сталина: во внешней политике — перманентной зависимостью от Советского Союза, в области человеческих отношений — тем, что миллионы поляков были согнаны с польских земель, отошедших Советскому Союзу, перевезены на запад, откуда, в свою очередь, было принудительно выселено немецкое население.

* * *

В довоенные годы большинство политически сознательных промышленных рабочих примыкало к демократической Польской социалистической партии (ППС). Польская коммунистическая партия не могла рассчитывать на массовую поддержку населения. До войны эта партия находилась на нелегальном поло-

жении, что привлекало беспокойных и склонных к авантюризму людей. Большая часть лидеров ПКП предпочитала жить в Советском Союзе. В 1938 году Сталин учинил над ними расправу, приказав Коминтерну распустить эту партию под предлогом, что в ее руководство проникли вражеские агенты.

В 1942 году, вскоре после нападения нацистской Германии на СССР, ПКП была возрождена под названием Польской рабочей партии, которое было принято ради маскировки, в надежде получить поддержку народа. Вначале этой возрожденной партией руководили советские агенты, сброшенные на парашютах в немецком тылу, затем выдвинулись польские деятели во главе с Гомулкой. Принимая во внимание наследственную ненависть поляков к России и неприятие ими коммунизма, новым руководителям ПКП следовало бы быть весьма осмотрительными. Однако помнили они об этом недолго. В январе 1947 года были проведены выборы; путем террора и обмана коммунисты и их попутчики получили большинство. Польская аграрная партия Миколайчика, которая при действительно свободных выборах получила бы большинство голосов, теперь была ограничена 28 местами в Сейме, состоящем из 444 депутатов.

Путь к полной советизации Польши был расчищен.

Все противники коммунизма были устранены и либо вынуждены бежать за границу, как Миколайчик, либо покориться. Социалистическую партию слили с коммунистической, в результате чего образовалась Польская объединенная рабочая партия (ПОРП). Остальные политические организации были распущены, и лишь некоторые продолжали влачить жалкое существование, оставаясь независимыми лишь номинально, а на деле послушно следуя коммунистической линии.

Коммунисты пренебрегали тысячелетними связями Польши с Западом, хотя Варшава и Краков вне зависимости от расстояния и географического положения всегда были гораздо ближе к Парижу, Риму и Лондону, чем к Москве. Латынь была для Польши не только языком церкви и средневековой образованности, но долгое время — и языком культурных классов. Позднее вторым языком в стране стал французский, а в предвоенные годы стал распространяться английский. Русский же, как и немецкий, ассоциировался с ненавистной иноземной оккупацией.

Панславистские тенденции, сильные в Болгарии, Чехословакии и Югославии, никогда не были распространены в Польше.

Более 90% поляков исповедуют католичество, огромное их большинство — горячо верующие люди. Коммунисты же объявили войну религии и церкви. Преподавание Закона Божьего в школах было запрещено, католические газеты закрыты, духовенство подвергалось преследованиям, некоторых епископов бросили в тюрьмы. В 1953 году был отстранен от исполнения своих обязанностей и арестован примас Польши кардинал Вышинский.

В стране с большим удельным весом сельского хозяйства, где крестьянин страстно привязан к своему клочку земли, коммунисты начали политику коллективизации. Теоретически коллективизация проводилась добровольно, но на практике единоличник подвергался сильному экономическому и политическому давлению. Его хотели загнать в колхоз, а если он все же отказывался, его душили непосильными налогами и полицейским террором.

Поляки горды своим сопротивлением немецкой оккупации и храбростью польских отрядов, которые сражались на стороне союзников. А коммунисты беспощадно преследовали ведущих участников движения сопротивления, обвиняя их в шпионаже, измене и других злодеяниях; солдаты, возвращаясь из западных стран, попадали под подозрение как иностранные агенты. Многие из них были арестованы, брошены в тюрьмы.

Все классы польского общества страдали от террора, нужды и унижений. Это ещё больше обостряло ненависть к России и к людям, которые при ее поддержке правили в Варшаве.

К моменту смерти Сталина террор достиг наивысшей точки. В чьих руках находилась бесчеловечная машина террора? Ответ осложняется тем, что правительство Польши зависело от предписаний Кремля. Функции премьер-министра и первого секретаря ЦК партии совмещал Болеслав Берут. В марте 1954 года, соответственно принципу коллективного руководства, он отказался от поста премьера, сохранив за собой позицию первого секретаря партии. Но и при этом он, без сомнения, продолжал оставаться советским сатрапом. До 1944 года Берут был советским агентом и выполнял задания в разных странах. Он не входил в руководство польской коммунистической партии и знатной особой стал только в конце войны. Источник его силы был в Москве — он пользовался доверием Сталина. Часто бывая в Кремле, он получал указания и инструкции из первых рук от Сталина, а позже от Маленкова и Хрущева.

Из двенадцати других членов политбюро польской компартии особо важную роль играли Якуб Берман, который ведал тайной полицией, и Хиларий Минц, который руководил всем народным хозяйством; оба состояли также и в правительстве. Четвертое место в польской иерархии после Берута, Бермана и Минца занимал Эдвард Охаб, о котором Сталин говорил, что он "хороший большевик с острыми зубами". Охаб специализировался на внутрипартийных делах; человек скромный и сдержанный, он был мало известен в стране, и мало кто подозревал, что ему предстоит стать преемником Берута.

Министром государственной безопасности был Станислав Радкевич, член политбюро. Он подчинялся Беруту и Берману. Впрочем, в его министерстве было несколько советских "консультантов", многие старшие должности в тайной полиции были заняты русскими, так что директивы порой шли от Берия в обход Берута и политбюро.

Над вооруженными силами Польши Москва установила еще более непосредственный контроль. Высшее военное руководство СССР сообщалось с польским министром обороны маршалом Рокоссовским, который был также заместителем премьера и членом политбюро. Вся польская армия находилась под командованием советского маршала, многие высшие посты в военном ведомстве были замещены советскими офицерами и, кроме того, в Польше, на всякий случай, постоянно размещались советские воинские части.

Была ли эта страна монолитом без малейшей трещинки, был ли советский контроль абсолютен? — Так, по крайней мере, казалось.

Отклонением от сталинского шаблона была судьба Владислава Гомулки. Этот бывший Генеральный секретарь Польской рабочей партии стал жертвой чистки 1949 года. По обвинению в "националистическом уклоне" Гомулка сидел в тюрьме, но, в отличие от Райка, Сланского и Костова, избежал суда, хотя многие из его единомышленников были приговорены к длительным срокам лишения свободы.

Гомулка родился в 1905 году в рабочей семье, еще в юности вступил в партию. До войны его несколько раз арестовывали за коммунистическую агитацию. Последний приговор, вынесенный ему в 1936 году (семь лет каторжных работ), обернулся для Гомулки большой удачей: когда Сталин ликвидировал поль-

скую компартию и ее руководителей, Гомулка находился в безопасности — в польской тюрьме.

К началу войны Гомулка был уже на свободе и в 1939 году принимал участие в обороне Варшавы. После того, как Польшу заняли немцы, Гомулка сформировал подпольную коммунистическую организацию. В 1943 году его выбрали руководителем Польской рабочей партии. При продвижении советской армии по территории Польши коммунисты получили доступ к управлению. Гомулка продолжал оставаться первым секретарем партии, но, кроме того, получил важный пост заместителя премьер-министра по делам западных земель. В этом качестве он столкнулся с маршалом Рокоссовским, который в то время командовал советскими оккупационными войсками, по поводу демонтирования и разграбления немецкой собственности, которую Гомулка всячески старался оставить в Польше.

Будучи убежден, что Польша должна идти к социализму собственным путем, Гомулка противился слепому подражанию СССР. После того, как Югославия была изгнана из Коминформа, Гомулку обвинили в "титоизме", "буржуазном национализме" и прочих преступлениях, которые значились в сталинском кодексе. Незамедлительно он был уволен с занимаемых постов — и в партии, и в правительстве. В июле 1951 года его арестовали. Такая же судьба постигла и самых известных из его последователей. Они попали в тюрьму, хотя лишь некоторых из них судили, и никто не был казнен.

В 1956 году в отношениях Москвы с Западом наступила оттепель, стала более либеральной и внутренняя политика СССР. А на польском горизонте начали собираться тучи. Многие члены Центрального Комитета ПОРП требовали далекоидущих реформ, но политбюро им противилось. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза произвел в Польше необыкновенный эффект, который был усилен объявлением о реабилитации довоенной коммунистической партии, "секретной" речью Хрущева с разоблачениями Сталина и смертью Болеслава Берута.

VI пленум Центрального комитета польской компартии, который должен был наметить преемника Берута, заседал в присутствии Хрущева. Лаконичное официальное сообщение гласило, что первым секретарем единодушно избран Эдвард Охаб, хотя он попал в политбюро всего только два года назад и только лишь потому, что Сталин был о нем хорошего мнения. Ста-

линскую оценку разделял, видимо, и Хрущев, чего оказалось достаточно, чтобы Охаб попал в вожди Польши.

* * *

В те дни сатирический еженедельник "Шпильки" опубликовал карикатуру, изображавшую трамвайный вагон, а в нем — двух сторожей, которые убирали табличку с надписью "Не высываться!" и заменяли ее другой, на которой было написано: "Высовываться!". Эта надпись стала лозунгом дня. Экономисты, политики, журналисты, поэты и романисты осуждали упрочившиеся догмы, сетовали на недостаток свободы и низкий уровень жизни.

6 апреля Охаб в первой своей публичной речи попытался показать себя хозяином положения. Он с готовностью признал ошибки прошлого, отнес их на счет "культы личности" и влияния Берия, соглашался с необходимостью более открытых форм общественной жизни. Охаб признал также, что решения III пленума в январе 1955 года о "политике демократизации" проводились в жизнь неудовлетворительно, что руководство не проявило надлежащей энергии. Коснувшись проблем экономики, Охаб говорил о падении сельскохозяйственной продукции и реальной заработной платы. Он обещал удвоить усилия в этом направлении, предупреждая, однако, что возможности улучшений в текущем году весьма скромны.

Сообщил Охаб и об освобождении Владислава Гомулки из тюрьмы, — впрочем, умолчав, что это произошло более года назад. Он заявил, что бывший вождь очищен от подозрений в измене, тем не менее добавив, что партия не отказалась от борьбы с идеологической концепцией Гомулки.

В той же речи Охаб сообщал об освобождении из тюрьмы, полной реабилитации и восстановлении в партии 26 других лиц, арестованных до 1953 года по ложным обвинениям. Среди них было несколько сторонников Гомулки, — в том числе, генералы Кирхмайер и Вацлав Комар.

Речь Охаба не склонила общественное мнение на сторону партии. Газеты позволяли себе недружелюбно отзываться о Советском Союзе, требовали реабилитации воинов бывшей подпольной армии.

Чтобы успокоить общество, партия сообщила о чистке тайной полиции и судебной администрации. 20 апреля было объяв-

лено о смещении гражданского и военного генерального прокурора и одновременно — о широкой амнистии: освобождению подлежало около 30.000 узников и прекращались дела еще 40.000 лиц, обвинявшихся в уголовных и политических преступлениях. Три дня спустя было обнародовано сообщение об аресте бывшего заместителя министра общественной безопасности Ромковского.

Кроме того, был снят с поста министр совхозов Радкевич, смещены министр юстиции и его заместитель, министры культуры и высшего образования. Примечательно, что все "вычищенные" считались причастными к сталинским преступлениям.

На сессии Сейма 23-28 апреля происходило нечто подобное настоящим парламентским прениям. Многие депутаты критиковали различные стороны деятельности правительства. Впервые голосование оказалось не единодушным — пять депутатов подали голоса против правительственного законопроекта. Обращаясь к сессии, премьер Циранкевич отметил, что она происходит в атмосфере "необычайного оживления политической жизни", и заверил депутатов, что эта перемена будет закреплена.

Вероятно, Кремль выразил недовольство чрезмерной быстротой либерализации, которая продвинулась в Польше дальше, чем в других коммунистических странах. Охаб поспешил успокоить советских вождей. В статье, которая была опубликована в московской "Правде" 20 апреля, он признавал, что в польской компартии имела место "идеологическая неустойчивость", что на страницах печати появлялась антипартийная критика и случались вспышки антисоветских настроений, но заверял, что рабочий класс знает, как надо поступать с "клеветниками и оппортунистами". Но тем не менее 7 мая последовало извещение, что Якуб Берман, который был тайной пружиной берутовского режима, вышел из состава политбюро и покинул пост заместителя премьера. В общественном мнении Берман был архисталинцем, и вожди партии могли рассчитывать, что его уход убедит население в их искренности при провозглашениях более свободной, демократической жизни.

На первое полугодие 1956 года в Польше не было экономического плана. План-шестилетка закончился в декабре 1955 года, а новый пятилетний план все еще не был готов к середине ле-

та. В действительности же страна страдала не от отсутствия планирования, а от его чрезмерности. Среди коммунистов ходила шутка, что их система заменила капиталистическую дисциплину на производстве и анархию на рынке — анархией на производстве и дисциплиной на рынке. Анархия на предприятиях была лишь одной из причин кризиса. Второй причиной было положение в сельском хозяйстве. Коммунистические вожди не раз сами признавали "диспропорции" между ростом производительности в промышленности и в сельском хозяйстве, которые обнаружались, когда грандиозные планы ускоренной индустриализации страны, особенно в тяжелой промышленности, пришли в полное противоречие с ростом сельскохозяйственной продукции. С другой стороны, политика принудительной коллективизации, введения обязательных поставок и уничтожения независимого крестьянина вызвала сильное сопротивление сельского населения и привела к очень нерациональному использованию земель.

Результатом явилась нехватка продовольствия в стране, которая в прошлом экспортировала огромное количество пищевых продуктов. Продовольственные затруднения, в свою очередь, вызвали повышение цен.

В феврале, в опубликованных итогах шестилетнего плана, утверждалось, что реальная заработная плата возросла на 27.6%. Это было встречено с недоверием даже теми, кто доверял властям, а настроенные критически их просто высмеяли. Люди отлично знали, что никакого повышения их жизненного уровня не было.

В номере журнала "По просту" от 10 июня об экономических проблемах говорилось в трех больших статьях. Статья под характерным заголовком "Проблема, которой не существует", ставила вопрос о серьезных размерах безработицы. Несмотря на развитие промышленности, в стране было минимум 300.000 безработных. Кроме того, существовала и скрытая безработица, которая была в несколько раз больше.

В статье Ержи Урбана рассказывалось о впечатлениях автора от поездки в Лодзь, центр хлопкообрабатывающей промышленности Польши. Он обнаружил там устаревшее оборудование, бездарное руководство, плохое планирование, низкую производительность труда, ограниченный ассортимент продукции. Заключения его были мрачны.

”Мы создали, —
писал он, —

железные принципы и правила нашей экономики, так называемые законы в форме планов, ’непревзойденную систему’ управления производством и т.п. Каждый, будь он рабочий или председатель Госплана, понимает, что что-то не так, но все только беспомощно покачивают головой. Никто ничего не может поделать, не может вырваться из заколдованного круга”.

Третья статья под заглавием ”Цена плана” говорила о хаосе в организации производства на заводах и фабриках вследствие плохого или чрезмерно централизованного планирования, соединенного с упорным требованием выполнения плана, невзирая на какие бы то ни было экономические или человеческие обстоятельства. Автор показывал, как беспорядочное снабжение материалами и плохое управление приводят к тому, что рабочий, с одной стороны, теряет премиальные, а с другой — тратит фантастическое количество часов, чтобы добиться фиктивного выполнения плана, что считается гораздо более важным, чем достижение реальных экономических показателей. В статье говорилось:

”Двенадцать раз в год последняя декада каждого месяца превращается на многих промышленных предприятиях в кромешный ад. Никто не в состоянии тут помочь. Люди бессильны. Лавина продукции катится неумолимо, затопляя все на своем пути. Это та продукция, которая должна была быть выпущена за первые двадцать дней месяца. Тут замешаны не одни только идеологические, но, главным образом, чисто материальные мотивы. План означает премии. План означает для многих рабочих хотя бы минимальные условия жизни”.

Когда публиковались эти статьи, 700 польских экономистов собрались в Варшаве на съезд, чтобы обсудить насущные проблемы народного хозяйства. Они единодушно сетовали на упадок своей науки. Одним из самых откровенных было выступление профессора Оскара Ланге. Деспотическое господство догмы, сказал он, убило польскую экономическую мысль, которая и

без того была поражена бесплодием из-за отсутствия доступа к статистическим данным. По словам профессора Ланге,

”морально-политические лозунги и административные распоряжения превращены в суррогат экономической политики”.

Другой докладчик, профессор Куровский, пошел еще дальше, объясняя слабость польской экономики ”монополией одной экономической школы”; он говорил о ”некритическом подходе к советской науке”. Эту идею развили в своих выступлениях и другие экономисты. Профессор Фабержевич, например, отважился на еретическое замечание о том, что советская система пригодна, вероятно, для страны с неисчерпаемыми природными ресурсами, но вредна для тех стран, экономические условия которых иные, о чем, кстати, и свидетельствует опыт Польши.

Недовольство росло. 20 июня Охав, который еще 6 апреля утверждал, что у государства нет средств для повышения заработной платы, и обещал ее поднять лишь работникам самых низкооплачиваемых категорий, поспешил в Силезский угольный бассейн, чтобы успокоить шахтеров, увеличив их заработную плату на 15%. На шахтах волнения улеглись, зато возросли претензии и недовольство рабочих других отраслей.

В Познани, четвертом по величине городе Польши, местная печать выступила с резкой критикой заводоуправлений и даже партийных комитетов крупнейших промышленных предприятий. Затяжной жилищный кризис и нехватка хлеба способствовали в городе созданию обстановки, которая была близка к взрыву.

У 20.000 рабочих ЗИСПО, самого большого завода Познани, который носил имя Сталина, уже в 1954 году, из-за увеличенных норм выработки, средняя зарплата снизилась на 3,5%, а удержания по налогам урезали ее еще больше. Рабочие потребовали возвращения им 11 млн. злотых, недоплаченных за сверхурочные часы.

Особенно энергично было недовольство в секторе ”В”. Скверное снабжение деталями и полуфабрикатами делало выполнение норм выработки фактически невозможным, а это вело к значительному сокращению заработков. Подобные претензии выска-

зывались и в познаньских железнодорожных мастерских и на других предприятиях.

В субботу 23 июня рабочие ЗИСПО устроили митинг, постановив направить в Варшаву делегацию, чтобы потребовать удовлетворения их претензий. В понедельник выбрали делегацию из 30 человек. Во вторник, по прибытии в столицу, они провели переговоры в ЦК профсоюза металлистов и Министерстве машиностроения, что, впрочем, не стало достоянием гласности. Согласно официальным сообщениям, которые появились несколько дней спустя, переговоры в министерстве длились больше семи часов и делегатам были даны удовлетворившие их обещания. Рабочие выдвинули пять требований, но из радиосообщения, которое транслировалось от имени делегатов на следующей неделе (5 июля) можно было при внимательном чтении понять, что лишь с двумя требованиями власти согласились полностью — относительно возмещения незаконно удержанного налога и вопроса о премиальных. Насчет главного требования — повышения заработной платы на 20%, — делегатам лишь неопределенно обещали, что вопрос этот будет рассмотрен позднее.

Как говорилось со слов одного из делегатов, которые были переданы по радио

”все встретились в среду утром и в 14.00 дали отчет о своей поездке. В четверг все делегаты были с утра на заводе и приступили к работе”.

Однако в среду и четверг Познань была полна слухами, что делегаты из Варшавы не возвратились, что они арестованы. Позже один из делегатов выступил по радио, объясняя возникновение этих слухов возвращением нескольких членов делегации в Познань более поздним поездом.

Рабочие ЗИСПО результатами варшавских переговоров остались недовольны, и в четверг поутру ночная и дневная смены решили выйти на совместную демонстрацию. Построившись в ряды, они прошли по центральным улицам города, неся импровизированные знамена и плакаты с надписями: ”Мы требуем хлеба”, ”Мы требуем понижения цен, повышения зарплат”. К демонстрантам присоединились рабочие других предприятий и прохожие. К десяти часам утра большая толпа заполнила площадь перед ратушей. Немногочисленные полицейские разогнать ее не пытались.

Принесший столько жертв Черный четверг начался, таким образом, вполне мирно. Организованное шествие рабочих вызвало резкий эмоциональный сдвиг. Ведь это была первая с 1939 года стихийная демонстрация протеста! Весть разнеслась по городу, толпа в центре росла. Несколько ораторов выступило на главной площади с речами — среди них был и секретарь райкома партии по пропаганде.

Демонстрация становилась политической и даже революционной. Один за другим над толпой поднимались импровизированные плакаты: ”Долой русских!”, ”Мы требуем свободы!”, ”Долой фальшивый коммунизм!”, ”Долой диктатуру!”, ”Долой советскую оккупацию!”.

Возбужденная, вероятно, слухами об аресте делегации ЗИСПО толпа осадила тюрьму, освободила заключенных, захватила оружие охраны; затем двинулась к радиостанции, которая глушила западные передачи, разрушила ее. Так как в тюрьме делегатов не оказалось, демонстранты атаковали дом УБ (органов безопасности). Здесь-то и раздались первые выстрелы. Это случилось около одиннадцати часов утра.

Согласно официальному заявлению, работники органов безопасности открыли огонь по толпе лишь после того, как в здание УБ полетели бутылки с горючей смесью и по дому начали стрелять.

Очевидцы утверждают, что первой, потеряв самообладание при виде враждебно настроенной толпы, выстрелила какая-то женщина, сотрудница органов безопасности, убив или ранив женщину с ребенком. Среди жертв Черного четверга оказалось действительно несколько женщин и детей.

Были вызваны войска. К месту беспорядков прибыли два грузовика с пехотой и три танка. Их встретили рукоплесканиями и возгласами: ”Поляки в поляков не стреляют!” Вскоре над армейскими грузовиками были подняты польские флаги, танками завладели рабочие. Подверглись нападению толпы полицейские участки, где демонстранты, не встретив сопротивления, захватили оружие.

К центру города стекалось все больше народа. Звучали религиозные песнопения, патриотические песни. Над толпой все больше реяло польских национальных знамен. Кое-где были разграблены магазины; есть сведения, что толпа линчевала какого-то работника полиции. Из опрокинутых трамвайных вагонов и

автомобилей были воздвигнуты баррикады. Однако войска постепенно овладели положением. К вечеру был занят центр Познани. Ночью и на следующий день временами слышалась стрельба, но затем все стихло. События Черного четверга убедительно показали, что рабочие озлоблены и готовы к борьбе; что население решительно враждебно режиму; что партийные организации обанкротились; что армия ненадежна, по крайней мере, отчасти, а милиция ненадежна полностью.

В пятницу, на следующий день после описанных событий, в Познани открывалась очередная Международная ярмарка. При большом числе приезжих власти не могли рассчитывать сохранить познаньские события в тайне. Правительство вынуждено было торопиться с соответствующим сообщением. В 8.30 утра варшавское радио оповестило о "серьезных беспорядках", обвинив "империалистических агентов и реакционное подполье" в использовании экономических трудностей для подстрекательства недовольного населения. Таким образом, было официально сказано о существовании недовольства среди рабочих (а также признавалась его справедливость), но при этом вина за его проявления возлагалась на иностранных агентов, будто бы ловивших рыбу в мутной воде и подстрекавших к мятежу против "народного режима". Впрочем, делался упор все чаще на экономические причины волнений, реже упоминалось о "провокациях". "Трибуна Люду" писала, например, 6 июля:

"Стачки познаньских рабочих были в значительной степени вызваны бюрократическими искажениями в пролетарском государстве. Эту важную и горькую истину не следует ни скрывать, ни подслащивать".

Такая правдивость противоречила линии, которая была принята коммунистической партией Советского Союза. В резолюции Центрального Комитета КПСС от 30 июня говорилось о больших денежных суммах, ассигнованных "американским монополистическим капиталом на развитие подрывной деятельности в социалистических странах", утверждалось, что "антинародный мятеж в Познани был оплачен из этих сумм". Советская резолюция к тому же утверждала, будто "трудящиеся Познани воспротивились вражеским вылазкам и провокациям".

Русские упорно продолжали держаться этой линии, тогда как поляки все больше от нее отдалялись.

Гораздо важнее этих споров о том, кто ответственен за беспорядки, был вопрос, который занимал всех и каждого: изменится ли как-либо политика партии? Ответ должен был дать VII Пленум Центрального Комитета ПОРП, состоявшийся в июне 1956 года. Он принял решения о "демократизации". Охав ослабил цензуру печати и разрешил дискуссии, не имевшие себе равных по откровенности в других коммунистических странах; удалил из политбюро и правительства людей, имена которых были связаны с самыми кричащими проявлениями сталинизма; увеличил заработную плату низкооплачиваемым категориям трудящихся и, главное, начал говорить с народом как говорят со взрослыми. Однако самого Охаба считали сталинцем и полагали, что реформы он проводил вопреки собственному желанию, под давлением снизу. К тому же эти реформы многих не удовлетворили. Люди хотели действительного повышения жизненного уровня, настоящей независимости от Советского Союза, свободы для Церкви и подлинной политической демократии. "Трибуна Люду", которая редактировалась тогда Ержи Моравским, одним из секретарей партии, писала, что познаньской вспышки не случилось бы, если бы "политической демократизации" сопутствовала "демократизация экономическая". Еще более откровенно высказывался профессор Оскар Ланге, один из ведущих экономистов и член ЦК. По его мнению, новый пятилетний план, вероятно, мог бы обеспечить повышение жизненного уровня, но был недостаточен по объему и темпам:

"если процесс дезинтеграции национальной экономики пойдет и дальше, выполнение плана представляется сомнительным".

Нарисовав мрачную картину кризиса, профессор Ланге предлагал вспомогательный экономический план, который диктовался также политической необходимостью, поскольку население отказывалось верить в возможность преодолеть наступивший кризис.

Хотя вспомогательная программа Ланге была далека от марксизма, через три месяца позднее Гомулка ею воспользовался. Ланге требовал немедленного и в короткий срок увеличения

фондов продовольствия и потребительских товаров путем мобилизации всех наличных ресурсов, включая оборонную промышленность; усиления ввоза товаров широкого потребления и удобрений для сельского хозяйства при одновременном сокращении вывоза продовольствия. Рабочих предлагалось заинтересовать в производстве, предоставив им участие в управлении, а крестьян-единоличников, мелких частных предпринимателей и кустарей поощрять, оказывая им помощь вместо того, чтобы преследовать. Наконец, программа Ланге предусматривала увеличение капиталовложений для обеспечения страны товарами широкого потребления, удобрениями и сырьем.

Во время пленума в Варшаву прибыл в сопровождении маршала Жукова маршал Булганин, — якобы для участия в торжествах по поводу Национального дня — 22 июля. Такие визиты обычно были поводом для льстивых заявлений о польско-советской дружбе и солидарности миролюбивого социалистического лагеря. Однако на этот раз маршал Булганин предпринял грубое вмешательство во внутренние польские дела. В речи накануне праздника он сказал, что восстание в Познани было спровоцировано вражескими агентами, указал на необходимость

”политической бдительности, суровой борьбы с недостатками, существенного улучшения работы государственного аппарата... и решительного усиления органов диктатуры пролетариата”.

Булганин пригрозил:

” Мы не можем закрывать глаза на попытки ослабить международные связи социалистического лагеря под вывеской так называемого национального своеобразия и на попытки подорвать силы народно-демократических стран со ссылкой на ’расширение демократии’.”

Это звучало как директива пленуму, который возобновил работу после празднования Национального дня. Но, как бы в ответ, на пленуме раздались требования привлечь к ответственности виновных в преступлениях сталинского периода, не позволить им спокойно уйти в отставку; предлагалось не ограничиться реабилитацией Гомулки с его сторонниками и восстановлением их в партии, но обеспечить им полноправное возвращение

в партийное руководство. Были также едва завуалированные выпады против Советского Союза, неоднократно высказывались требования, чтобы политбюро вышло в отставку. Однако больше всего говорилось о необходимости демократизации. По этому поводу обнаружились глубокие расхождения. Зенон Новак, член политбюро и один из первых заместителей премьер-министра, нападал на критиковавших Советский Союз, нападал на интеллигенцию. Он был решительно против дальнейшей демократизации, предлагая старую испытанную политику кнута и пряника — подавить критику и одновременно, чтобы укрепить популярность партии, провести более значительное повышение заработной платы, чем это сделал Охаб. Новак считал возможным пойти даже на риск инфляции, лишь бы положить конец всяким толкам рабочих за спиной партии. Новак предлагал также ограничить число евреев на руководящих постах — это импонировало бы антисемитским настроениям части населения.

После длительных и страстных дебатов реакционеры оказались в меньшинстве. Это обнаружилось при выборах на вакантные места в политбюро, освободившиеся после смерти Берута и ”отставок” Бермана и Радкевича. Два вновь избранных члена политбюро — Адам Рапацкий (министр иностранных дел, ранее входивший в социалистическую партию и близкий к премьеру) и Эдвард Герек (один из секретарей партии) считались прогрессивными, а Роман Новак (не смешивать с Зеноном Новаком) был умеренным.

Пленум постановил поощрять независимых крестьян-единоличников и ремесленников. В промышленности и сельском хозяйстве вводились меры по укреплению материальной заинтересованности трудящихся, предлагалось децентрализовать управление экономикой. Были предусмотрены специальные меры по расширению жилищного строительства: было решено построить 1.200.000 комнат дополнительно к прежнему плану с тем, чтобы завершить эту программу к 1961 году.

В политической резолюции говорилось, что

”все попытки воспрепятствовать демократизации, как показали познаньские события, были бы ошибочными и вредными”.

Усиливалась роль Сейма (парламента), который должен был более эффективно контролировать действия правительства. Сво-

бодная дискуссия поощрялась также внутри партии, хотя лишь в границах, определяемых генеральной линией. Наконец, VII пленум прекратил дискриминацию бывших участников сопротивления, признал их "полярными гражданами".

Пренебрегая булганинскими директивами, резолюции VII пленума утвердили курс на дальнейшую либерализацию. Однако, намеченная программа несколько месяцев оставалась всего лишь на бумаге; реакционеры, хоть и голосовали вместе с большинством, сохраняли достаточно влияния в политбюро, чтобы саботировать намеченные реформы.

Соотношение сил некоторое время оставалось неопределенным, поскольку было много колеблющихся. Реакционная клика, которую позднее назвали Натолинской группой (по варшавскому предместью, где располагался клуб коммунистической элиты), состояла из пяти членов политбюро — Зенона Новака, Францишека Мазура, Йозвяка Витольда, маршала Рокоссовского и Хилария Минца. К ней, кроме того, примыкали глава Совета профсоюзов Ключевич и заместитель министра обороны генерал Виташевский. Этой группе противостояли: премьер Циранкевич, члены политбюро Рапацкий и Герек, а также первый секретарь Охав, который после некоторых колебаний присоединился к ним уже летом. Из шести секретарей Центрального комитета за либерализацию выступало пять.

Два члена политбюро — Александр Завадский (председатель Государственного совета и номинальный глава государства) и Роман Эмбровский, которые со временем присоединились к "прогрессистам", по началу не определили свою позицию. Обе группы — и прогрессивная, и реакционная, — старались заручиться поддержкой Гомулки, поскольку он был единственным политическим лидером, которому доверяли рядовые члены партии и которого уважала вся нация.

Специальный корреспондент газеты "Ле Монд" писал, что уже в мае Гомулке, по настоянию советского посла Пономаренко, было предложено войти в состав политбюро. Его личная популярность могла укрепить авторитет скомпрометированного руководства, и в то же время он оставался бы связанным по рукам и ногам Натолинской группой, которая располагала большинством в политбюро. Гомулка отказался.

После VII пленума делегация Центрального комитета с Охавом во главе встретилась с Гомулкой, чтобы обсудить его

возвращение в партию. 4 августа в газетах появилось об этом краткое сообщение. Сообщалось, что Гомулка в партии восстановлен. Одновременно Зенон Клишко, которого исключили из партии вместе с Гомулкой, получил пост заместителя министра юстиции. Однако генерал Марьян Спыхальский, в прошлом министр обороны, тоже близкий к Гомулке, все еще оставался не у дел.

24 августа краткое коммюнике канцелярии премьер-министра сообщило о назначении на должность командующего корпусом войск внутренней безопасности генерала Вацлава Комара, сподвижника Гомулки, который незадолго перед тем был реабилитирован. Его контроль над этими великолепно вооруженными и тренированными частями оказался решающим фактором в драматические дни октября.

* * *

Весь август и сентябрь партийное руководство было поглощено внутренней борьбой. И реакционная, и прогрессивная группировки стремились укрепиться прежде, чем раскрыть карты. На бесчисленных партсобраниях члены Центрального комитета давали противоречивые оценки VII пленуму. Одни черпали вдохновение в Москве, другие — в Пекине. Из событий того времени самым значительным был, вероятно, визит Охаба в Китай, который повлиял на поведение первого секретаря: намечалось нечто вроде оси Польша — Китай.

В докладе Циранкевича о политических решениях VII пленума была определена новая роль Сейма: он должен контролировать исполнительную власть и законодательство, а не утверждать задним числом уже сделанное и предписанное, как было прежде. Правительству надлежало сократить количество постановлений и вносить законопроекты своевременно, чтобы оставлять Сейму возможность рассматривать их критически. Премьер подчеркнул также необходимость, чтобы на запросы депутатов давались своевременные и исчерпывающие ответы.

Некоторые члены Сейма не замедлили войти в новую роль. Самым открытым было выступление профессора Юлиана Гохвельда. Он критиковал правительство за то, что оно запретило Сейму обсуждать познанские события, и проанализировал проблемы, связанные с ролью парламента в коммунистическом го-

сударстве. Гохвельд приветствовал передачу Сейму контроля над исполнительной властью, но указывал на трудности, которые вытекают из

”специфики руководящего положения партии в системе диктатуры пролетариата”.

Он подчеркивал, что основное препятствие процессу демократизации заключается не столько в сложности перехода от единоличного руководства к коллективному, сколько в сопротивлении авторитарного руководства контролю со стороны выборного органа, который ответственен перед избирателями и контролируется ими.

* * *

Единственным из партийных руководителей, который пользовался в стране уважением, был Владислав Гомулка. Члены политбюро тайно искали с ним соглашения. Гомулка выдвигал жесткие условия: его должны назначить первым секретарем партии; в политбюро должны быть избраны новые люди, согласные с его политикой, а маршал Рокоссовский, который символизировал советский диктат, должен быть устранен.

Когда именно Охаб согласился с этими требованиями и уступил свой пост Гомулке, в точности неизвестно. Вероятно, это случилось вскоре после VII пленума. Можно предположить, что Охаб, человек честный и не очень амбициозный, не особенно цеплялся за тяжелое бремя руководителя партии. Однако даже тогда, когда он начал поддерживать Гомулку, многие зарубежные наблюдатели считала Охаба принадлежащим к Натолинской группе.

Натолинская группа все еще была сильна и в политбюро, и в правительстве, а армией командовал вместе со сталинским генералом Виташевским советский ставленник маршал Рокоссовский. Многие командные посты в польской армии были заняты советскими офицерами, в Польше были расквартированы три советские дивизии, вокруг ее границ стояли советские войска. Единственным военным формированием, которое не подчинялось советскому командованию, был корпус внутренней безопасности. Им командовал назначенный Циранкевичем в августе генерал Комар, жертва сталинских чисток и сторонник Го-

мулки. В польской армии тайно велась подготовка ее нейтрализации в решительный час. Рабочие и студенты повсюду готовились поддержать Гомулку.

Не бездействовала и Натолинская группа. Ее люди прочно внедрились в партийный аппарат, особенно в провинции; большая часть партийной бюрократии видела в политике демократизации угрозу своим служебным постам, а потому была на стороне реакционеров. На митингах, которые проводились по всей стране, ораторы Натолинской группы старались натравить рабочих на интеллигенцию, разжигали классовую рознь и антисемитизм.

Но постепенно в политбюро перевесили сторонники Гомулки. Они могли рассчитывать, по крайней мере, на половину голосов, а секретариат был на их стороне почти полностью. Колеблющиеся переходили на их сторону и к началу октября они достигли большинства в политбюро. Под их нажимом Хиларий Минц вынужден был уйти из политбюро и с поста первого заместителя премьер-министра по вопросам экономики (при Сталине Минц был в экономике Польши диктатором).

После устранения Минца Натолинскую группу представляли в политбюро четверо — Зенон Новак, маршал Рокоссовский, Францишек Йозвяк-Витольд и Францишек Мазур. Первые трое входили и в правительство в качестве заместителей премьер-министра, а Мазур занимал не очень значительный пост заместителя председателя Государственного совета. С начала года лидером Натолинской группы считали Мазура. Он был единственным в политбюро старым большевиком, поскольку участвовал еще в Октябрьской революции 1917 года. Однако, можно предполагать, что другие участники Натолинской группы не вполне ему доверяли.

Вечером 15 октября варшавское радио передало сообщение:

”Сегодня состоялось заседание Политического бюро Центрального Комитета ПОРП, посвященное подготовке к VIII пленуму..., который назначен на 19 октября. В заседании Политического бюро принимал участие Владислав Гомулка”.

На этом заседании сторонниками Гомулки был предложен следующий план: Гомулка выбирался первым секретарем партии, в новое политбюро должно войти девять человек, вместо

прежних тринадцати, причем в новый состав не будут избраны ни маршал Рокоссовский, ни кто-либо иной из Натолинской группы. При такой реорганизации сохранили бы свои посты лишь пять членов старого политбюро.

Потерпев поражение в политбюро, Натолинская группа попыталась действовать обходными путями. Стало известно, что советский посол в Варшаве Пономаренко телефонирует Охабу, передав ему настоятельное приглашение Хрущева посетить Москву вместе со всем составом политбюро и Гомулкой. Приглашение было отклонено.

Возможно, советские вожди примирились с возвращением к власти Гомулки, но их чрезвычайно беспокоило намерение его сторонников удалить из политбюро маршала Рокоссовского. Не хотели от него отказаться и члены Натолинской группы. Вопрос о членстве Рокоссовского в польском политбюро приобрел решающее значение.

За пять дней до пленума Натолинская группа приступила к реализации своего плана *coup d'etat*, который подготавливался в тесном сотрудничестве с советским руководством. Начались подозрительные передвижения войск; польская армия под командованием Рокоссовского и расположенные в Польше советские соединения продвигались ближе к Варшаве и к другим крупнейшим городам; были сведения, что несколько советских частей перебрасываются в Польшу из Восточной Германии.

Вдруг вблизи польского побережья появились советские военные корабли и крейсировали неподалеку от польских портов Гдыни и Гданьска.

Натолинской группой были уже составлены черные списки на 700 ведущих прогрессистов, включая Гомулку, ряд министров и членов Центрального комитета. Их всех намеревались арестовать накануне пленума. Страна оказалась бы в руках Рокоссовского и его просоветских сторонников. Согласно сообщению делегата верфи, которое передавалось по гданьскому радио, аресты предполагалось провести с помощью армии, причем вся операция была рассчитана на один час.

Каким-то образом об этом заговоре стало известно, и были подготовлены соответствующие контр-меры. Корпус внутренней безопасности генерала Комара занял все ключевые здания в столице и обеспечил охрану всем, кого натолинцы предполагали арестовать. Крупные силы корпуса расположились на под-

ступах к Варшаве. Был отдан приказ не допускать армейские части в город. Одновременно были мобилизованы лояльные рабочие и студенты, им роздали оружие.

На массовых митингах принимались резолюции в поддержку Гомулки, против реакционеров; происходили уличные демонстрации. Это движение нарастало, и к утру 19 октября в Варшаве и других крупных городах царил подлинно революционная атмосфера.

Когда наступил решительный час, Натолинская группа убедилась, что она не может рассчитывать на какую бы то ни было поддержку населения. Тайная полиция и Корпус внутренней безопасности были полностью за Гомулку и его союзников. Единственной вооруженной силой, способной поддержать реакционеров, была армия под командованием Рокоссовского и его советских генералов. Армия, конечно, могла бы обеспечить реакционной группе перевес. Но приказы высшего командования польскими офицерами и солдатами не выполнялись. Рядовой состав армии был за Гомулку.

Заговор Натолинской группы оказался мертворожденным. Только открытая военная интервенция Советского Союза могла бы переменить ход событий. Но была ли такая интервенция необходима и желательна для СССР? Советские вожди решили выяснить это лично. Рано утром 19 октября, перед открытием VIII пленума ПОРП, в варшавский аэропорт без приглашения и предупреждения прибыла советская делегация в составе Хрущева, Кагановича, Микояна и Молотова.

* * *

В 10 часов утра 19 октября первый секретарь Охаб открыл пленум. Он сообщил, что политбюро решило кооптировать в центральный комитет Гомулку и трех его единомышленников — Спыхальского, Лога-Совинского и Клишко, что они предложили "ради обеспечения единства" ограничить численность будущего состава политбюро девятью членами, а Владислав Гомулка выдвинут на пост первого секретаря. За этим последовало нечто, прозвучавшее как взрыв бомбы.

"Я должен также сообщить вам, товарищи, — сказал Охаб, —

что сегодня утром в Варшаву для переговоров с нашим политбюро прибыла делегация Президиума Центрального Комитета КПСС, товарищи Хрущев, Каганович, Микоян и Молотов”.

На вопрос членов ЦК, кто будет участвовать в переговорах, Охаб ответил, что польская делегация будет состоять из членов политбюро и Гомулки, что они получили соответствующие полномочия.

Гомулка, Циранкевич, Охаб, Рокоссовский и другие члены политбюро, за исключением Францишека Мазура, направились в Бельведерский дворец, где и состоялась встреча. Переговоры, видимо, затянулись, ибо только на следующий день вечером в официальном коммюнике было объявлено о присутствии в Варшаве советской делегации и ее переговорах с политбюро. Обсуждение, как гласило коммюнике, затрагивало “текущие проблемы, интересующие обе партии”, а велось оно в “товарищеской и дружественной обстановке”. Коммюнике заканчивалось сообщением, что в ближайшем будущем делегация польского политбюро посетит Москву, чтобы обсудить

”дальнейшее углубление политического и экономического сотрудничества между Польшей и Советским Союзом, дальнейшее усиление братской дружбы и сотрудничества между ПОРП и КПСС”.

В другом коммюнике, которое последовало утром, было сообщено, что советская делегация отбыла в 6.40 утра. Это было все, что сочли нужным сообщить польскому народу об этом историческом визите советских лидеров.

Что же в действительности случилось в великолепном, постройки XVIII века Бельведерском дворце в пятницу 19 октября 1956 года?

Центральный комитет, который собрался на следующий день в 11 часов утра, выслушал доклад Александра Завадского. Он сказал:

”Наши советские товарищи объяснили свой неожиданный приезд и состав своей делегации, который вам уже известен, глубокой озабоченностью Президиума ЦК КПСС создавшимся в Польше положением. Они сказали, что хо-

тят вместе с нами установить, в каком направлении пойдет развитие в дальнейшем. Особенно их беспокоит усиление антисоветской пропаганды и отсутствие реакции — или недостаточная реакция — с нашей стороны на эту пропаганду.

Русские гости интересовались также нашими предложениями относительно состава руководства, намечаемого VIII пленумом. Они указали, что этот состав был уже установлен, но, вопреки существующим между нами связям, мы не информировали наших советских товарищей о наших планах. В общем мы признали отсутствие надлежащих контактов с советским руководством при нынешней ситуации как недостаток, признали неполноту с нашей стороны прямой и надежной информации о положении в Польше. Я хотел бы подчеркнуть, что вопрос о составе нашего будущего руководства рассматривался как внутреннее дело нашей партии и ее Центрального комитета”.

Завадский сказал, что дискуссия сопровождалась взрывами страстей с обеих сторон, но добавил, что это способствовало “наилучшему выяснению основных проблем”. Он продолжал:

”Мы старались заверить советских товарищей в наших добрых намерениях, успокоить их насчет предпринимаемых нами мер, а также относительно нашей внутренней ситуации и перспектив взаимоотношений польского народа с Советским Союзом. Мы пытались объяснить смысл и значение происходящего ныне процесса демократизации. Мы указывали, что главная задача пленума состоит в том, чтобы обеспечить партии и ее руководству ведущую роль в этом движении... Мы согласились с советскими товарищами, что контакты между нами были неудовлетворительны и что многое из того, что происходит сейчас, действительно могло оправдать их тревогу. Мы сказали им также, что тревожащие их симптомы — всего лишь пена на гребне волны доброкачественных созидательных преобразований, что возникающие при этом ошибки и искажения вполне естественны и что мы сможем их преодолеть именно в ходе очистительного процесса демократизации. После данного пленума... мы сумеем улучшить руководство партией, вернуть то, что было утрачено, укрепить позиции партии,

улучшить отношения между партией, рабочим классом и всей нацией”.

Завадский привлек особое внимание пленума к сообщению о предстоящей поездке польских руководителей в Москву.

Если опубликованный отчет о ходе пленума был полон, — а есть основания полагать, что его лишь немного ”отредактировали”, — то члены Центрального комитета узнали о переговорах с советскими руководителями довольно мало.

Охаб добавил к сказанному Завадским несколько штрихов. Он охарактеризовал переговоры как ”искренние, трудные и горькие”, упомянул о ”беспочвенных и неслыханных обвинениях” поляков со стороны советских лидеров. Охаб сказал, что особым нападкам подверглась польская пресса.

Советское руководство было в ярости. Это видно даже из слов Завадского. Сразу по приезде Хрущев набросился на польских лидеров:

”За освобождение этой страны мы проливали кровь, а вы хотите отдать ее американцам. Вам это не удастся, этого не будет!”

Он избегал рукопожатий, называл поляков изменниками, обвинял их в сговоре с американцами и ”сионистами”, в намерении отторгнуть Польшу от советского блока.

Заметив Гомулку, Хрущев спросил советского посла Пономаренко: ”А это кто?”. Но прежде чем посол успел ответить, Гомулка сказал по-польски:

”Я тот самый Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме”.

Советская позиция, как ее выразил Хрущев, была достаточно проста. То, что поляки называли демократизацией, представлялось ему слишком похожим на анархию, которая могла повлечь за собой падение коммунизма в Польше. Согласно Хрущеву, нужно было прекратить дезинтеграцию коммунистической системы, взять под контроль прессу, народным требованиям — дать отпор, всякое проявление оппозиционных настроений — подавить. Радикальным сдвигам в партийном руководстве — не время и не место. Если поляки так уже хотят, чтобы Гомулка

и один-два из близких ему людей вошли в политбюро — пусть. Но доверенное лицо Москвы, маршал Рокоссовский, должен там остаться. Удаление Рокоссовского было бы равнозначно разрыву Польши с советским блоком, а этого Кремль не потерпит. Если понадобится, будет применена сила.

С польской стороны, главным образом, говорил, по-видимому, Охаб. Он соглашался с тревогой русских по поводу создавшегося в Польше положения, но его диагноз и предлагаемое лечение диаметрально отличалось от того, на чем настаивал Хрущев. Ситуация, действительно, грозила вот-вот стать неуправляемой, но репрессивные меры только приблизили бы мятеж. Вместо того, чтобы пытаться подавить стихийное движение к демократии, партия должна его возглавить, направляя его, стараясь его контролировать. Всякий иной подход чреват катастрофой. И ради успеха необходимо, чтобы вел партию человек, которому доверяет народ. С другой стороны, народ должен убедиться, что и этот человек, в свою очередь, находится под контролем. Во всяком случае, состав политбюро — это внутреннее дело Польши. Если русские действительно хотят избежать кровопролития и удержать Польшу в своем лагере, они должны позволить польским коммунистам действовать самостоятельно, довериться их знанию обстановки.

Ни одна из сторон не хотела сдвинуться с занятой позиции. Спор становился все ожесточенней. Время шло и, казалось, переговоры зашли в тупик. Советская сторона, наконец, уступила; Хрущев вдруг заулыбался и принял уверять, что поддержит тех, кого поляки выберут.

Натолкнувшись на решительный отпор Охаба и Гомулки, которых твердо поддерживали Циранкевич и многие другие, русские вынуждены были понять, что привести поляков в повиновение можно только вооруженной силой. Приземляясь в Варшаве в пятницу утром, Хрущев, видимо, думал, что если не подействуют угрозы, будет нетрудно привести поляков к повиновению с помощью армии. Но к вечеру он узнал от Рокоссовского, что польские войска повиноваться его приказам не станут, а в случае открытого столкновения они будут сражаться против советских частей. Хрущеву сообщили, конечно, и о Корпусе внутренней безопасности генерала Комара, и о диспозиции этого корпуса. Навязать свою волю полякам можно было лишь введя в действие советские войска. В конечном результате сомневать-

ся, разумеется, не приходилось, но поляки покорились бы лишь после кровопролитных боев. Дискуссию отложили до следующей недели, а незваные советские гости отправились в аэропорт.

Пленум ЦК возобновил работу 20 октября, только за несколько часов перед тем, как советский самолет унес Хрущева и его спутников обратно в Москву. Узнав о советском вмешательстве, рабочие и студенты Варшавы вышли на улицу, чтобы продемонстрировать свою поддержку Гомулке. Расположенные в Польше советские войска были приведены в состояние боевой готовности.

Все 75 членов центрального комитета напряженно наблюдали, как Владислав Гомулка всходил на трибуну — впервые за 7 лет. Они выбросили его из партии, а теперь они же просили его вернуться, чтобы спасти партию.

Рабочий класс, сказал Гомулка, может отказать в доверии кому-то из руководителей, и они должны быть освобождены от занимаемых постов. Однако, чтобы изменить жизнь к лучшему, чтобы вывести экономику из ее теперешнего тяжелого состояния, недостаточно устранить несколько человек, хотя это и легко. Чтобы снять с политической и хозяйственной жизни страны напластования, которые выросли за много лет и препятствуют развитию, надо осуществить огромные перемены в государственной системе, в организации промышленности, в методах работы партии и правительства.

Гомулка четко изложил свой план: дальнейшая демократизация, но не парламентарная демократия; больше свободы слова и мысли, но не свобода выбрать иную политическую систему; больше независимости от СССР, но не отказ от союза с ним; меньше догматизма, меньше лжи, чтобы заручиться одобрением и поддержкой народа. Гомулка предложил Польше более человечную и прагматичную форму коммунизма; именно коммунизма, но ничего иного.

* * *

В середине октября 1956 года коммунистический режим был в состоянии кризиса. Руководство партии оказалось неспособно провести давно назревшие реформы, которых настоятельно требовала нация. Общественное мнение, которое долго игнорировали, теперь энергично заявляло о себе: люди требовали свобо-

ды, национальной независимости и улучшения условий жизни. Каждый поляк знал, что в партийном руководстве существует мощная оппозиция против перемен. Положение сложилось чрезвычайно взрывоопасное. Внезапный визит Хрущева и трех его заместителей настораживал, накаляя обстановку. Слухи о передвижениях советских войск по польской территории грозили сыграть роль детонатора. Поскольку официальные сообщения о действиях или намерениях советских вооруженных сил отсутствовали, это способствовало молве о столкновениях советских и польских войск, о вмешательстве польского Корпуса безопасности, о кровавых сражениях с русскими. Учащаяся молодежь и рабочие столицы, сторонники Гомулки, вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою готовность дать отпор попыткам вооруженной интервенции. Они требовали, чтобы VIII пленум, избрав новое руководство, приступил к реформам. В городах проходили тысячи собраний и митингов, которые направляли в Варшаву делегации с резолюциями в поддержку Гомулки.

На VIII пленуме, за закрытыми дверями, говорили достаточно откровенно. Однако все выступавшие помнили, что о Советском Союзе надлежит высказываться с осторожностью, рассчитывая не только на реакцию поляков, когда они рано или поздно узнают, что же на самом деле происходило на пленуме, но и на воспаленную чувствительность советских вождей, которым становилось известно каждое произнесенное там слово.

После того, как Завадский доложил о переговорах с советской делегацией, и перед ключевой речью Гомулки последовало несколько вопросов и кратких заявлений относительно продвижения советских войск:

"Старевич: Товарищи, вчера одновременно с трудными и исключительно серьезными беседами с делегацией КПСС совершались передвижения военных частей в направлении Варшавы. Подробностей я не знаю, так как армия не в моей компетенции, но от товарищей, ответственных за внутреннюю безопасность, я слышал, что к Варшаве двигалось несколько танковых колонн. Имели место передвижения советских воинских частей и на наших западных границах, и внутри страны, в районе Вроцлава. В связи с этим я хотел бы спросить маршала Рокоссовского, какова цель

этих передвижений и по чьему распоряжению они делались? Был ли это приказ политбюро, правительства или министра обороны? Я хочу спросить также, учитывалось ли политическое значение подобных действий, которые грозят углубить раскол между рабочим классом и армией; учитывалась ли возможная международная реакция на такого рода передвижения, приуроченные к переговорам между польскими и советскими руководителями?

Охаб: Политбюро распорядилось, а министр обороны не возражал, чтобы передвижения войск не производились. Исключение было сделано для одной небольшой части специального назначения. Однако нам разъяснили, что в это время года такие передвижения обычны. Сообщения о происходивших якобы передвижениях войск нуждаются в проверке. К тому же вопроса о передвижениях войск нет в повестке дня, но его можно включить, если пленум сочтет нужным.

Васильковска: Я предлагаю, чтобы политбюро доложило Центральному комитету о передвижениях армии, которые вызвали толки в народе.

Охаб: Согласен. Политбюро обсудит, как информировать об этом членов Центрального комитета.

Путрамент: Правительство, Комитет внутренней безопасности, Министерство обороны и Министерство внутренних дел обязаны знать, что происходит в стране. Как возможны передвижения воинских частей по польской территории без ведома Министерства обороны? Здесь присутствуют люди, которые ведают армией, и один из них должен рассказать нам, что случилось с подчиненными ему подразделениями, а другой — какие именно передвижения имели место. Центральный комитет имеет право это знать.

Рокоссовский: Товарищи, всем известно, что жизнь в стране идет нормально. Армия не получала от руководства указаний прекратить свои передвижения. Но если бы даже и последовало такое указание, для его практического осуществления понадобилось бы несколько дней. Следует иметь в виду, что в это время года армия, как правило, проводит тактические учения... При этом используются мест-

ности за пределами постоянного расположения войск... Политбюро известно о концентрации воинских частей особого назначения. Это сделано, учитывая опыт познаньских инцидентов. Относительно советских вооруженных сил. Я получил инструкции от политбюро выяснить это дело, поскольку были сигналы о каких-то передвижениях. Действительно, передвижения были: проводились осенние маневры в районе базы советской армейской группы. Советские войска двигались в направлении Лодзи и Быдгоща. Я попросил командующего, маршала Конева, чтобы передвижение северной группы войск было остановлено. После этого они возвратились на свои базы. Это все, что я знаю."

Маршал Рокоссовский закончил заверением, что

"армия не сделает ни единого шага без приказа правительства и политбюро".

Этой маленькой речью дебаты закончились.

Советская военная угроза отодвинулась, но она повлияла на последующие прения. К этому времени члены Центрального комитета имели список из девяти человек, которых предлагалось избрать взамен прежнего состава политбюро. Имени Рокоссовского там не значилось. Список начинался Гомулкой и не включал никого из НАТОлинской группы. Некоторые из ее сторонников возмущались отсутствием среди кандидатов в политбюро Рокоссовского и довольно-таки откровенно намекали, что это грозит осложнениями польско-советских отношений.

Внезапный визит Хрущева в сопровождении других советских вождей, угрозы военной интервенцией предназначались воспрепятствовать возврату к власти Гомулки с его проектами реформ и планами укрепить польскую независимость. Однако на деле авторитет Гомулки лишь укрепился. Он стал народным героем.

20 октября утром Центральный комитет заслушал программную речь Гомулки, которая позднее была передана по радио. Гомулка заверял, что новое руководство партии будет следовать политике демократизации, поддерживаемой всем народом. На вопрос, каковы гарантии, что не повторятся ошибки прошлого, Гомулка ответил:

"Гарантии — это вы, польский народ и рабочий класс".

21 октября дошли первые вести о передвижении советских вооруженных сил в Венгрии. Рабочие Варшавы и некоторых других городов, несмотря на воскресный день, явились на предприятия, чтобы вместе ждать польской или советской армии. В этой обстановке в 8.30 утра собрался Центральный комитет для продолжения прений и проведения выборов нового политбюро. Натолинская группа настояла, чтобы Рокоссовский был включен в список кандидатов для голосования.

Перед голосованием варшавское радио передало неожиданный комментарий на речь Гомулки.

”Это весна в октябре, —

сказал комментатор Генрик Голланд, —

весна проснувшихся надежд и пробудившейся национальной гордости, весна подлинного пролетарского интернационализма и воли идти к социализму нашим собственным, польским путем”.

Голланд назвал три основные черты этой ”весны в октябре”: ”великое восстановление правды”, ”реабилитация истинных и падение ложных авторитетов” и возрождение пролетарского интернационализма, ”идеи равноправия великих и малых наций”.

Когда вышли экстренные выпуски варшавских газет с сообщением о победе Гомулки на заседании ЦК, о его избрании и поражении Натолинской группы, невозможно было усомниться в подлинности народного энтузиазма. О том, что Рокоссовский баллотировался среди кандидатов в политбюро и не был избран, тогда еще не сообщалось.

Поднялась и провинция. Город Сталиногруд объявил, что отныне он будет называться по-старому — Катовицами. На массовом митинге в Гданьске, который затянулся до ночи, присутствовал контр-адмирал польского флота и, что, пожалуй, еще более примечательно, Владислав Матвин, один из секретарей Центрального комитета, который покинул пленум до выборов, чтобы успеть на этот митинг. На митинге приняли резолюцию, требующую отставки секретарей областного партийного комитета, так как они ”тормозили процесс демократизации”. Кроме того, в резолюции говорилось:

”Мы требуем ликвидации управления по контролю печати, издательств и зрелищных предприятий...”

Мы требуем прекратить глушение зарубежных радиостанций.

Мы требуем выпуска нового государственного займа для уплаты наших долгов Советскому Союзу”.

Понедельник 22 октября был днем митингов. Два секретаря Центрального комитета целый день принимали делегации, которые, согласно официальным сообщениям, выражали ”глубокое беспокойство за будущее страны” и высказывались за ”последовательное осуществление ленинского принципа равенства прав и суверенитета наций”. При этом постоянно повторялось, что демократизация усилит польско-советскую дружбу.

В тот же понедельник распространились слухи о подготовке военного переворота. Исходили они из прибрежной области, вероятно, потому, что персонал радиостанций Гданьска и Щецина, согласно требованиям принятой на митинге в Гданьске резолюции, решил игнорировать цензуру явочным порядком. Так, во второй половине дня щещинско-гданьская радиосеть передала еще несколько резолюций:

”Мы требуем полной информации о подготовке к военному перевороту и наказания виновных”, —

заявили, например, рабочие гданьской электростанции.

Познаньский комитет ПОРП высказался за поддержку политики Гомулки. Было выдвинуто предложение переименовать названия улиц и заводов, названных в честь Сталина или еще живых руководителей. Подобные решения выносились и в других городах. Повсюду сторонники Гомулки сменяли сторонников Натолинской группы, которые либо сами уходили в отставку, либо сменялись.

Но среди этого потока резолюций и посланий в партийные центры не было ни одного ни от профсоюзов, ни от крестьян. Совет профсоюзов возглавлялся Клосевичем и был в руках Натолинской группы. Во вторник 23 октября он оказался под критическим обстрелом собственной газеты ”Глос Працы”.

Что касается деревни, то лихорадочная атмосфера, царившая в ту пору в городах, ее не захватила. Краковское радио сообщало, что деревенский люд сохраняет ”недоверие к газетным новостям” и пребывает в нерешительности.

Между тем, пока польская революция развивалась своим еще нетвердым курсом, за пределами Польши в тот же вторник произошли события, которым суждено было оказать глубокое влияние на "весну в октябре".

В Будапеште начались демонстрации солидарности с поляками, а затем на улицах придунайской столицы прогремели первые выстрелы. Руководители КПСС определили, наконец, свое отношение к польской революции. Хрущев телефонирует Гомулке, что резолюции VIII пленума одобряются и что советские войска будут возвращены на свои базы. В Москве готовили кровавую баню венграм. В среду, 24 октября, советские войска появились на улицах Будапешта. Но в Польше революционная атмосфера сохранялась. Утром открылось заседание Сейма. Премьер Циранкевич произнес краткую речь. Он изложил намеченную Гомулкой политическую программу, рассказал о дебатах на VIII пленуме, после чего заявил:

"Если возникнет впечатление, что в ходе прений на пленуме кто-нибудь преступил границы законности, я заявляю, что партия и правительство — в том числе и министр обороны товарищ Рокоссовский, который точно следует инструкциям партии и правительства, что вполне естественно — сделают надлежащие выводы".

Речь Циранкевича была посвящена в основном польско-советским отношениям. Он доказывал, что и для выработки польско-го пути строительства социализма необходим такой союз между этими двумя странами, который был бы основан на равенстве.

Вечером огромная толпа собралась возле Дворца культуры в Варшаве, чтобы выслушать первое после многолетнего перерыва публичное выступление Гомулки. Он появился на балконе в окружении членов нового политбюро и повторил перед восторженной аудиторией вариант своей речи на VIII пленуме. О польско-советских отношениях Гомулка заявил:

"Наша недавняя встреча с делегацией КПСС помогла советским товарищам лучше понять политическое положение в Польше. (Аплодисменты). Недавно мы получили от первого секретаря Центрального комитета КПСС товарища Хрущева заверение, что он не усматривает препятствий к развитию наших партийных и государственных взаимо-

отношений на базе принципов, выраженных в решениях VIII пленума. (Аплодисменты.) Все конкретные вопросы, касающиеся наших внутренних дел, будут решаться в соответствии со взглядами нашей партии и польского правительства. Исключительно от нас самих зависит, будут ли советские специалисты в нашей армии и как долго они будут в ней находиться. (Аплодисменты.) В то же время мы получили от товарища Хрущева заверение, что советские части, которые размещены на польской территории, возвратятся на свои базы в ближайшие дни. (Аплодисменты)".

В полной тишине была выслушана следующая часть речи Гомулки, которая касалась необходимости пребывания советских вооруженных сил в Польше,

"пока в Западной Германии существуют базы Северо-Атлантического Союза, пока существует там новый вермахт и разжигается шовинизм, жажда пересмотреть наши границы".

Поэтому, по словам Гомулки, необходимо

"дать решительный отпор любым попыткам антисоветской агитации".

Гомулка благодарил рабочих и учащуюся молодежь за их "благородный энтузиазм последних дней", а также "офицеров и солдат польских вооруженных сил, которые продемонстрировали свою верность партии и правительству".

Толпа бурно рукоплескала, выкрикивала имя Гомулки, пела ему здравицу "Сто лет". Русские уступили. Опасность миновала, чувствовалась весна, хотя по календарю был октябрь.

В толпе слышалось, однако, и другое: "Долой Рокоссовского!" — кричали одни. "Рокоссовский, убирайся в Москву!" — требовали другие. Настойчиво скандировали "Катень, Катень, Катень".

Когда Гомулка пришел к власти, оказалось, что ему придется постоянно балансировать, как на туго натянутом канате, при смертельной опасности и самому "канатоходцу", и стране, если он вдруг сорвется и упадет.

Что русским нравилось, поляков раздражало. И наоборот. Венгерская революция в чем-то облегчила, но в чем-то и весьма осложнила задачу Гомулки. Поскольку Кремль был поглощен будапештскими событиями, Гомулка смог отсрочить поездку в Москву, куда "в ближайшее время" должен был явиться с ответным визитом.

Это и дало ему возможность укрепить свое положение прежде, чем снова предстать перед советскими властителями. Но, с другой стороны, советская интервенция подняла в Польше могучую волну симпатий к венграм, смешанную с негодованием к русским. Антисоветские настроения вот-вот грозили вырваться из-под контроля. Прибегнуть к репрессиям Гомулка не хотел, да и едва ли мог: он взял бразды правления с согласия управляемых, и было бы скверным началом восстанавливать порядок с помощью армии и полиции — даже если бы он был уверен, что таким путем добьется повиновения.

Чрезвычайно важно было для Гомулки получить прочную поддержку нации взамен того эмоционального энтузиазма, с которым его приветствовали благодаря его твердости перед советскими угрозами. Народ требовал свободы, национальной независимости и сносного уровня жизни. Планы Гомулки, которые он огласил на VIII пленуме, до этих требований не дотягивали. Свобода, которую он мог предложить, ограничивалась тем, что совместимо с коммунистической системой; независимость, которую он провозгласил, ограничивалась рамками "нерушимого", а потому ненавистного союза с Россией. Только курс на повышение жизненного уровня полностью совпадал с народными требованиями, но именно здесь немедленное улучшение было невозможно, о чем Гомулка и предупреждал в своих выступлениях.

Партия переживала смуту. Ее аппарат все еще оставался в руках Натолинской группы, хотя вслед за избранием Гомулки начались многочисленные смещения или отставки целых партийных комитетов и секретарей в провинции. Крестьяне распускали колхозы. Они делили землю, не дожидаясь официального разрешения. Во многих сельских районах распались первичные партийные организации. Были случаи, когда, выводя местных партийных начальников за околицу деревни, им велели идти на все четыре стороны и не возвращаться.

Убедить нацию, что действительно началась новая эра, можно было, лишь прекратив десятилетнюю войну с католической церковью. Об этом в программе Гомулки не было ни слова, вероятно, потому, что он не хотел потревожить партийных "твердолобов", а, может быть, поначалу это просто не приходило ему в голову. Как бы то ни было, но уже 28 октября Гомулка велел освободить из заключения примаса Польши кардинала Стефана Вышинского. Этим был положен конец одному из самых трагических периодов польской истории. Слепо следуя советскому примеру, предшественники Гомулки повели войну против религии и церкви. Она началась вскоре после окончания Второй мировой войны, но особо ожесточилась в последние годы жизни Сталина и непосредственно после его смерти. Польскую католическую церковь возглавлял тогда примас Вышинский, возведенный в этот сан в 1949 году. Вышинский удерживал церковь в стороне от политики и готов был уступать требованиям государства, покуда они не противоречили церковным канонам. Освобождение кардинала породило ряд проблем, которые требовали решения, чтобы установить разумный *modus vivendi* между государством и церковью. Была создана особая комиссия, которая состояла из двух епископов, одного члена политбюро и одного члена правительства. Она приступила к работе 3 ноября, но перед этим Гомулка сделал еще один шаг к примирению с церковью: он приказал выпустить из тюрьмы пятерых заключенных епископов. Вышинский тоже, не дожидаясь формального согласия, начал действовать немедленно. В воскресенье 5 ноября после более чем трехлетнего перерыва состоялась первая проповедь кардинала. Тысячи людей заполнили храм Святого креста в Варшаве, стояли на улице, чтобы выслушать проповедь, которая передавалась через репродукторы. Темой кардинал избрал "страдание и любовь". Он говорил:

"XX столетие принесло человечеству величайшие унижения, и душа человеческая взывает к своему праву на правду, свободу, праву на справедливость и любовь... Современный человек готов страдать, готов выносить любые лишения и муки, если он только знает, что уважаются эти его священные права. Пережитый им духовный голод, несомненно, поведет к пересмотру многих... современных установлений, чтобы полностью обеспечить людям право на

правду, свободу, справедливость и, особенно, право на любовь...

... Героическая смерть приносит славу, но когда жизнь сохраняется вопреки многолетним трудностям, боли и страданиям — это героизм еще больший. Такой героизм нашего времени, которое чревато трагедией...”

Советское военное вмешательство в Венгрии грозило перекинуться и на Польшу. Но миллионы польских католиков услышали наставление кардинала. В опасную для нации годину Гомулка получил поддержку старейшей и самой значительной духовной силы страны.

* * *

Первым делом Гомулки было укрепить правительство. 25 октября Циранкевич объявил об отставке Зенона Новака, который занимал пост первого заместителя премьера, и четырех других его заместителей, из которых два — Йозвяк Витольд и Станислав Лапот — принадлежали к Натолинской группе.

На следующий день новый заместитель министра обороны генерал Спыхальский обратился к армии:

”В переживаемые нашей страной и партией великие дни польская народная армия стоит рядом с народом. Солдаты и матросы, унтер-офицеры, офицеры, генералы и адмиралы! Партия, рабочий класс и весь народ выражают вам благодарность за то, что вы полностью оправдали их доверие”.

27 октября состоялось совещание Гомулки, Циранкевича и Завадского — с одной стороны, и представителей высшего командного состава — с другой. Председательствовал генерал Спыхальский. Имя Рокоссовского в официальном сообщении не упоминалось. 48 часов спустя было объявлено народу, что Рокоссовский отбыл в отпуск. В тот же день ПОРП обратилась к венграм с призывом поддержать правительство Надя и его программу. В призыве нарочито повторялось требование Надя об отводе советских войск из Венгрии.

31 октября были уволены помощник начальника польского генерального штаба, командующий Варшавским военным округом

и командующий военно-воздушными силами. Их заменили офицеры, которые в свое время оказались жертвами сталинских чисток.

События в Венгрии и Суэцкий кризис почти полностью затмили перемены в Польше, где число демонстраций с каждым днем увеличивалось, население панически закупало продовольствие и общее положение явно обострилось. Чувствуя надвигающуюся опасность, Центральный комитет ПОРП 2 ноября обратился с призывом к народу:

”Товарищи, граждане! Польский народ с глубоким волнением следит за ходом венгерских событий. Мы всегда всей душой были на стороне венгерских рабочих и всех, кто вместе с ними боролся за социалистическую демократизацию против сил, которые любой ценой хотят сохранить в Венгрии старую ненавистную народу систему правления”.

В призыве разъяснялись особенности положения в Польше и утверждалось, что

”проявленные польским народом единство, спокойствие и самообладание обеспечили возможность установить отношения с Советским Союзом на основе суверенитета, равенства и дружбы”.

Присутствие советских войск в Польше объяснялось Центральным комитетом международными соглашениями и необходимостью гарантировать неприкосновенность ее западных границ.

”Иногда, — говорилось в этом обращении, —

выдвигаются требования увода советских воинских частей из Польши. Руководство партии настойчиво подчеркивает, что при создавшейся международной обстановке подобного рода требования противоречат жизненным интересам нашего народа”.

Руководство призывало ”ради спасения независимости страны” прекратить манифестации и собрания, сохранять спокойствие и чувство ответственности и давать отпор всем антисоветским провокациям.

Через несколько часов после того, как стало известно, что в Венгрии к власти пришел Кадар, Гомулка выступил на съезде партийных работников Польши. С ними он говорил откровенно:

”Руководство партии полагает, что главной задачей политической работы является укрепление в сознании всего народа важности сохранить дружбу между Польшей и Советским Союзом”.

Эта речь была посвящена, в основном, внутренним проблемам ПОРП. Гомулка говорил о реорганизации и демократизации партии, о необходимости избавляться от старых привычек, но и не увлекаться ”охотой на ведьм”. Говорилось также, что прерогативы тайной полиции будут ограничены борьбой со шпионажем, террором и другими враждебными актами против государства. Тайная полиция была подчинена министерству внутренних дел, а комитет по делам госбезопасности, который в 1954 году, как и в СССР, заменил страшное министерство общественной безопасности, предполагалось вообще ликвидировать. Этим мерам заведомо было обеспечено всеобщее одобрение. На следующий день после этого выступления первого секретаря был сделан еще один шаг по пути ”десателлизации” Польши: устранены 32 генерала и другие старшие советские офицеры, которые занимали в польской армии командные посты. Их заменили польскими офицерами, большинство которых были удалены со своих постов в сталинский период, и среди них — два летчика, отличившиеся во время ”битвы за Англию”.

Отставка советских офицеров осуществлялась польским командованием с необычайной предупредительностью. ”Тридцать два заслуженных офицера оставляют нашу армию”, — писала об этом событии газета вооруженных сил ”Жолнеж Вольноци”. На следующей неделе председатель Государственного совета Завадский в торжественной обстановке наградил уезжающих русских офицеров орденами за ”службу Польше”. Впрочем, Гомулка на этой церемонии не присутствовал.

По рекомендации Циранкевича, Сейм принял отставку маршала Рокоссовского и назначил министром обороны генерала Спыхальского. Таков был доступный полякам предел ”десателлизации”: маршал Рокоссовский, этот символ советского владычества, навсегда оставил страну.

На следующий день Гомулка, Циранкевич и Завадский, в сопровождении многочисленных помощников, отбыли в Москву с ответным визитом. Вся Польша с тревогой и надеждой следила за событиями.

Пребывание польских руководителей в Москве длилось четыре дня. Все шло соответственно заранее согласованному протоколу. 16 ноября в Кремле состоялся прием, где Хрущев произнес длинную речь о польско-советской дружбе, которая основана на равенстве; о Венгрии, Суэце и международном положении вообще. Ответ Гомулки был вежлив, но краток. Он ограничился замечаниями о текущих переговорах.

В последний день своего визита поляки устроили в своем посольстве ответный прием. Хрущев снова выступил с длинной речью, упомянул об ошибках прошлого и о возможности различных путей к социализму, одобрил избрание Гомулки, обещал постоянную помощь Польше, обосновывал советскую политику в Венгрии и коснулся многих других международных проблем. Ответ Гомулки опять был любезен, краток, но содержателен. Он признался, что, отправляясь в Москву, польская делегация тревожно гадала, как отнесутся руководители КПСС и советского правительства к польским реформам. Эта тревога оказалась напрасной: во время визита был подтвержден сформулированный советским правительством еще 30 октября принцип,* согласно которому отношения между социалистическими государствами должны строиться на равенстве и взаимном невмешательстве.

Советский Союз согласился аннулировать задолженность Польши, которая достигла 500 миллионов долларов, как возмещение за поставки польского угля на протяжении 1946-1953 гг. по ценам, которые были занижены по сравнению с ценами мирового рынка. Это было первое официальное признание факта экономической эксплуатации своих сателлитов со стороны СССР. Советский Союз согласился поставить Польше в кредит

* Имеется в виду ”Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами”, опубликованная в ”Правде” 30 октября 1956 года. Сокращенный текст этой ”Декларации” был напечатан в первом номере журнала ”Проблемы Восточной Европы”. — *Ред.*

1.400.000 тонн зерна в течение 1957 года, а также предоставить долгосрочные кредиты на 700 миллионов рублей для закупки поляками советских товаров.

Эти экономические уступки подтвердили готовность советских руководителей не только признать Гомулку, но и поддержать его, укрепив его положение оказанием экономической помощи.

Кроме того, в соглашении говорилось:

”Обе стороны совместно обсудят вопрос о пребывании советских войск на территории Польши, их численность и состав”.

Там подчеркивалось:

”Временное пребывание советских воинских соединений на территории Польши никоим образом не должно нарушать суверенитет польского государства и использоваться для вмешательства во внутренние дела Польской Народной Республики... Перемещение советских воинских частей из одного места в другое может совершаться лишь с разрешения правительства Польской Народной Республики”.

Иначе говоря, советские руководители гарантировали, что сделанная в октябре попытка интервенции больше не повторится.

Наконец, крупной уступкой было обещание советских вождей облегчить репатриацию из Советского Союза тысяч польских граждан, которым по разным поводам не разрешали вернуться домой.

Таким образом, московские переговоры завершились победой Гомулки. С радостью и облегчением приветствовали поляки его благополучное возвращение. И это тем более, что они помнили о восемнадцати ведущих деятелях польского подпольного движения, которые в 1945 году приехали в Москву по приглашению Сталина и оказались за решеткой!

На каждой остановке — от границы до столицы — тысячи людей выходили приветствовать Гомулку. Матери поднимали на руки детей, чтобы они увидели этого человека. Люди кричали и пели. Центральный вокзал в Варшаве был забит восторженной

толпой. Гомулка сказал всего несколько слов, но они были тщательно продуманы и весомы.

”Товарищи и граждане! Расхождения между словами и делами, которые часто возникали прежде в польско-советских отношениях, отныне ликвидированы”.

Толпа ответила громом аплодисментов.

Совсем ненавистным в сталинизме было для поляков поправление правды и всепроницающая ложь. Особенно раздражало глушение западных радиопередач. Народ видел в нем намерение не только скрыть от него правду, но и отрезать от Запада, оборвать вековые религиозные и культурные связи.

Не случайно во время беспорядков в Познани одним из первых объектов нападения оказалась местная станция глушения. Случилось это тогда, когда в Варшаве глушение уже было ослаблено. Комиссия Сейма приняла резолюцию с требованием отмены глушения еще до VIII пленума. Это требование повторялось неоднократно и после того, как Гомулка пришел к власти.

Заметно была облегчена цензура. Разительно изменились передачи новостей в польской печати и по радио. Впрочем, две темы оставались запретны для критики: союз с СССР и руководящее положение ПОРП. Бдительность цензоров сосредоточилась на удалении из печати и радио всего того, что могло быть заподозрено в нарушении этих табу.

* * *

Х.А.Л. Фишер заметил в одной из своих работ, что история Польши — это серия неожиданностей. Одной из них были события октября 1956 года. И в будущем, вероятно, надо ждать новых сюрпризов.

От редакции:

В середине шестидесятых годов в Польше ходил такой анекдот: ”Что больше всего изменилось в Польше за последнее десятилетие? — спрашивали собеседника. И отвечали: — Гомулка!”

И еще один анекдот. "Какая разница между Гомулкой и Кадаром?" – "Кадар в 1956 году показал себя верным коммунистом, так что позже он мог быть порядочным венгром. А Гомулка показал себя в 1956 году порядочным поляком, так что потом ему пришлось стать верным коммунистом".

Якуб Карпинский

РАСПЛАТА

(Глава из книги "Отсчет времени") *

Декабрь 1970 г.

Так уж повелось, что повышение цен объявляют в Польше во вторую половину дня по субботам: магазины получают время сменить за воскресенье ценники, а люди – привыкнуть до понедельника к мало приятному сюрпризу.

В субботу 12 декабря 1970 г., за две недели до Рождества, в разгар массовых закупок и оживленного посещения магазинов, появилось сообщение об "изменении розничных цен на товары широкого потребления". "Изменения" преподносились как "двойственные": на ряд товаров цены были снижены.

Опубликованный в прессе список товаров, на которые цены были снижены, охватывал 40 категорий. Он начинался аптечными товарами и заканчивался кровельными материалами. В него входили пылесосы, телевизоры, одеяла, "отдельные виды сапогов из синтетических материалов" и "некоторые сорта зубной пасты". Цены были снижены, главным образом, на те товары, которые по прежним ценам никто не покупал.

Повышение цен оказалось гораздо значительнее понижения. Повысились цены на мясо и мясные продукты, муку, молоко и молочные продукты, рыбу, макаронные изделия, строительные материалы, уголь, хлопчатобумажные ткани, шерсть, кожаную обувь, предметы гигиены, металлические изделия, "некоторые бумажные товары", "определенные виды мебели и изделий из древесины", а также на многие другие (в общей сложности 46 категорий). В газетах были опубликованы статьи, в которых доказывалась современность принятых решений.

---

* Jakub Karpinski, Countdown, Karz-Cohl, New York, 1982.
(Глава переведена с небольшими сокращениями. – Ред.)